

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ТОТАЛИТАРИЗМА

Проблема советского тоталитаризма привлекает внимание многих ученых, она основательно изучается и широко обсуждается среди научной общественности на конференциях, симпозиумах и встречах. В первом номере "Уральского исторического вестника" мною была дана характеристика советской тоталитарной системы и процесса ее становления в 1920-е годы (статья "Генезис советского тоталитаризма").

Весьма актуальной является проблема отношения к тоталитарному режиму интеллигенции. В рамках решения данной проблемы предстоит ответить и на вопрос, почему советская интеллигенция не выступила против тоталитаризма, а, напротив, в известном смысле, стала даже опорой этого режима.

В целом наиболее глубокие истоки советского тоталитарного режима и его взаимоотношений с обществом коренятся в продолжительном существовании в стране самодержавной власти. Россия в течение тысячи лет осуществляла затяжной переход от родоплеменной военной демократии к сословно-представительной монархии, а затем к неограниченной власти монарха. Царский абсолютизм был сопряжен с крепостничеством и опирался на военизированный бюрократический государственный аппарат и разветвленную систему политического сыска. Попытки перейти к конституционному гражданскому обществу в эпоху Александра II, учреждение Государственной Думы при Николае II не дали желаемых результатов. Политический монополизм царизма усугублялся деятельностью православной церкви, процесс огосударствления которой завершился при Петре I, — церковь в России стала апологетом самодержавия и одним из послушных инструментов последнего. Это, в свою очередь, содействовало вращению тоталитарной идеологии в общественное сознание, психологию человека. Россия принадлежала к определенному культурному типу, где власть длительное время занимала центральное место в системе общественных отношений.

Такая односторонность политического устройства при тяжелом социально-экономическом положении народа обусловила формирование в обществе социально-политического противостояния. Носителем освободительных, либерально-демократических, революционных традиций и взглядов, особенно в XIX — начале XX вв., стала значительная часть российской интеллигенции. И хотя основу ее мировоззрения должно было составлять утверждение личности, интеллигенция в своих взглядах делала ставку на народ и сводила личность к пассивному объекту, испытывавшему влияние среды и стихийных сил истории. М.А.Гершензон в сборнике "Вехи" писал, что русский интеллигент — это человек, живущий вне себя, "снаружи", т.е. признающий единственно достойным объектом своего интереса и участия нечто, лежащее вне его личности, — народ, общество, государство и думать о своей личности для него — эгоизм и непристойность¹.

Другой представитель "Вех" С.Л.Франк, указывая на ориентацию русского интеллигента, отмечал, что он "испытывает положительную любовь к упрощению, обеднению, сужению жизни ... Он любит слабых, бедных и нищих духом не только как несчастных, которым помочь — значит сделать из них сильных и богатых, т.е. уничтожить их как социальный или духовный тип, — он любит их

именно, как идеальный тип людей". Иными словами, не создание максимально благоприятных условий для производства и творчества, а насильственное равенство в пользовании благами физического и духовного мира и "ненависть к материальной и духовой роскоши", по мнению Франка, олицетворяют для интеллигента идеал грядущего жизнеустройства².

Было бы ошибочным утверждать, что в освободительном движении и русской интеллигенции, особенно либерального крыла, не было представителей, выражавших иное, подчас диаметрально противоположное мнение. Высокообразованные россияне, к числу которых принадлежали, например, выдающийся юрист прошлого века К.Кавелин, а также Т. Грановский, Е.Трубецкой и другие общественные деятели, прекрасно понимали, что личность, сознающая свое безусловное достоинство, есть необходимое условие всякого духовного развития народа. Тем не менее, не только во взглядах интеллигенции, но и в правовых институтах России индивид всегда заслонялся семьей, общиной, организацией, государством и не получал своего правового определения и законодательного оформления.

Такая тенденция особенно ярко проявилась у интеллигенции, непосредственно участвовавшей в революционном движении, которая претендовала на кардинальные преобразования российского общества и государства. Это прежде всего относится к революционным народникам, их духовному лидеру – Н.Г.Чернышевскому, и особенно российской социал-демократии (большевикам) во главе с В.И.Лениным, воспринявшим не только марксизм, но и в не меньшей степени взгляды Чернышевского. Последний в своей известной работе "Что делать?" воспевал революционное, творящее историю активное меньшинство – "цвет лучших людей", "двигатели двигателей", "соль соли земной". Тезис Чернышевского о "двигателе двигателей" Ленин переносит из 60-х гг. XIX в. в обстановку начала XX в., облакая своих героев в костюм "профессиональных революционеров", единственным занятием которых является "делать революцию". В одноименной со своим учителем книге "Что делать?" он заявляет, что именно революционеры должны "продиктовать"³ программу действий "и волнующимся студентам, и недовольным земцам, и обиженным народным учителям"..."⁴

А в заключение убежденно восклицает: "Дайте нам организацию революционеров – и мы перевернем Россию!"⁵

Эта организация, по мысли Ленина, должна строиться "на основе железного централизма", "внутри своих рядов создать железный военный порядок", в ней должна "господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной", а ее центр обязан быть "властным авторитетным органом с широкими полномочиями". Как видим, ни о какой демократической, правовой основе здесь нет и речи.

Отсутствие правовой культуры у российской социал-демократии четко проявилось на II съезде РСДРП в 1903 г., принявшем программу и устав партии. Устав не только отказывал членам партии в свободе выражения личного мнения, но и вводил в организации "осадное положение". Внутри победившего на съезде большевистского направления утвердился якобинская духовная линия с такими ее признаками, как доминанта насильственных методов политической борьбы, государственный терроризм, политический правовой нигилизм, социоцентризм и т.п. Так были упрочены недемократические принципы во имя "великой цели" – революции, а лидеры, идейные вожди социал-демократии, отстаивали положения, противоречившие элементарным принципам права. Не отсюда ли берет начало советский тоталитаризм, чрезвычайные и военные методы управления, которые стали такими характерными после Октября 1917 г. Поэтому первая причина в принятии интеллигенцией формирующегося тотального большевистского режима кроется в традициях интелли-

генции, российского общества и государства. Именно в них надо искать истоки советского тоталитаризма и известную приверженность к нему интеллигенции.

Вторую причину мы видим в постоянной ликвидации (физическом уничтожении или изгнании из России) советским режимом "старого" русского "образованного класса". Процесс этот имел сложный, противоречивый и волнообразный характер. После Октябрьского переворота, совершенного под демократическими лозунгами, определенная часть интеллигенции заняла выжидательную, лояльную позицию или даже поддержала большевистский режим, приняв участие в проводимых преобразованиях. На первых порах, несмотря на неофициальный произвольный террор, этому способствовали ленинские заявления "беречь всякого специалиста", "использовать образованных интеллигентов" в строительстве Нового мира. Однако выдвинутые большевиками лозунги о "красном терроре", о ликвидации класса буржуазии, развернувшаяся полномасштабная гражданская война, массовые репрессии по отношению к интеллигенции поставили ее большую часть по другую сторону баррикад. Результатом явилась гибель огромного интеллектуального пласта русской нации. По неполным данным эдинбургского профессора Сароля, за 1918–1922 гг. большевиками было расстреляно или загублено в тюрьмах 28 епископов, 1219 священников, 6 тыс. профессоров и учителей, 9 тыс. докторов, 54 тыс. офицеров, 355250 интеллигентов и специалистов, а также 12950 землевладельцев, 70 тыс. полицейских, 193290 рабочих и 815 тыс. крестьян⁶.

Как видим, число людей умственного труда составило около 419,5 тыс. чел. Подсчитано, что только за 1918 г. среди жертв террора оказалось 1286 представителей интеллигенции. Другим, не менее трагичным актом явилось изгнание из России в начале 20-х гг. на основе указания Ленина оставшейся в живых "буржуазной" интеллигенции. Организация в 1922 г. "философского парохода", отправка его на Запад привела к тому, что из страны вывезли и "выдавили" основную массу российских интеллектуалов. В целом за первые годы большевистского режима эмигрировало "добровольно" или по приказу "самого интеллигентного в мире правительства" около 2 млн. человек. Это была первая и наиболее высокая волна русской эмиграции. Так пришедшая к власти "новая", большевистская интеллигенция расквиталась с большей частью старого образованного класса, который отказался благословить ее режим. Репрессии против остатков старой интеллигенции набиравшим силу тоталитаризмом были продолжены (в том числе и против наиболее образованных ее представителей в правящей партии) после XV съезда ВКП(б) в 1927 г. Сначала в 1928 г. последовало всем известное "Шахтинское дело", по которому репрессировали многих крупных специалистов промышленности старой школы. В конце 20-х гг. разгрому подверглась Академия наук. В апреле 1929 г. замнаркома Покровский М.Н. бросил нетерпеливый призыв: "Надо переходить в наступление на всех научных фронтах. Период мирного сожительства с наукой буржуазной изжить до конца"⁷.

В итоге в 1929 г. следственная комиссия во главе с небезызвестным "красным чекистом" Я.Петерсом "пересмотрела людской состав" Академии, освободив от штатных должностей 128 ученых из 960 и сверхштатных 520 сотрудников из 830⁸.

Затем последовали аресты и ссылки в лагеря. Репрессиям подверглись всемирно известные ученые академики Е.Г.Ольденбург, П.Н.Прянишников, С.Ф.Платонов, Е.В.Тарле, Н.П.Лихачев, Б.М.Энгельгардт, П.В.Виттенбург и многие др. В 1930 г. по указанию Сталина было сфабриковано "Дело Промпартии", по которому арестована большая группа ученых и крупных инженеров старой школы, в том числе Л.К.Рамзин, И.А.Калинников, А.Ф.Чарновский, А.А.Федотов, В.А.Гасельблат и др. Во второй половине 20-х гг. особые отделы ГПУ сфабриковали ряд дел на бывших офицеров царской армии, перешедших в свое время на службу Советской власти, в результате чего было осуждено и репрессировано более 3 тыс. командиров⁹.

В 30-е гг. сталинская репрессивная машина обрушилась на литераторов, незаконно арестовав около 2 тыс. писателей, из которых свыше 1500 погибли в лагерях¹⁰.

Таким образом, к концу 30-х гг. старая российская интеллигенция была ликвидирована. Третья причина поддержки тотального режима работниками умственного труда заключалась в том, что сталинское руководство взяло курс на создание в стране своей "рабоче-крестьянской" интеллигенции. Место многочисленного, но духовно господствовавшего "старого образованного класса" заняла "народная, социалистическая" интеллигенция из марксистских кружков, большевистского подполья, маргинальная по отношению к дооктябрьскому обществу. Слившись со структурами тотального режима, оформив свою монополию в духовной сфере, новая интеллигенция стала рекрутировать в свои ряды представителей из рабоче-крестьянской среды с низким уровнем образования, которые учили диалектику "не по Гегелю", а постигали грамоту в краткосрочных рабфаках, деревенских избах-читальнях или просто по политическим лозунгам господствующего режима. Выступая на V съезде Советов в 1929 г., Покровский М.Н., например, заявил, что мы отбираем науку у буржуазных ученых и передаем ее "четырем тысячам рабфаковцев", кончающим в 1929 г. наши вузы¹¹.

Селекция интеллигенции проводилась большевиками не по признаку профессионализма и образованности, а согласно "идейной закалки", социального происхождения и преданности режиму. Именно эти "интеллигенты новой формации", генетически не связанные со старой интеллигенцией, стали социальной опорой "народной науки" и классовой "пролетарской культуры", на которых равнялись немногочисленные попутчики. Одобряемые и поддерживаемые лидерами большевизма, все они охотно поставляли "творения" на службу власти, которая была близка им по духу (Т.Лысенко – в науке, Д.Бедный – в поэзии, Ф.Гладков – прозе и др.), защищали классовость, показывали "обострение классовой борьбы", предсказывали "победу коммунизма". Вместо служения обществу новая интеллигенция присягала государству, способствуя утверждению тоталитаризма. Эта служба режиму обеспечивала новой интеллигенции также определенный уровень благосостояния, социальной защищенности и ощущения причастности к великим "свершениям". Вообще, большевизм как идеология, система и форма движения к цели стал наиболее полным и последовательным воплощением нового типа российской культуры, он вошел в ткань сознания общества.

Это вовсе не означает, что новая интеллигенция и культура развивались только в одном направлении, здесь шел сложный и противоречивый процесс становления двух культур. С одной стороны, активно стимулировалась и утверждалась так называемая пролетарская культура, служившая интересам укрепления тоталитаризма и носившая утилитарный характер; с другой стороны, развивалось классическое наследие прошлого и современная культура, опирающаяся на это наследие, которая приобщала народ к общечеловеческим ценностям. Среди новой интеллигенции известны выдающиеся деятели, которые, несмотря на идеологический прессинг и репрессии, не склоняли головы перед тоталитарным режимом и создавали свои шедевры (А.Платонов – в литературе, А.Довженко и С.Эйзенштейн – в кинематографе, Д.Шостакович – в музыке, П.Корин – в живописи, С.Вавилов – в науке и др.). Среди партийной интеллигенции также оказались представители, которые отвергали тоталитарный режим и в борьбе с ним не пожалели своей жизни (М.Рютин, Ф.Раскольников и др.). Это говорит о том, что несмотря на апогей советского тоталитаризма в 30–40-е гг., господство в материальной и духовной сферах, он не справился до конца с задачей разрушения личности и человеческой духовности.

В целом, однако, господствующей тенденцией в поведении советской интеллигенции в 30–40-е гг. стала поддержка тоталитарной власти. Произошло это не

только в результате "выдавливания" старого образованного класса, но и воздействия бюрократической административно-командной системы, использующей традиционалистское российское сознание, предрасположенное к жестким формам управления. Степень жесткости и репрессивности управления обществом, в том числе интеллигенцией, была пропорциональна темпам "догоняющей" модернизации. В соответствии с успехами или провалами "развернутого социалистического" строительства тоталитаризм или ослаблял, или наращивал идеологическое воздействие и репрессивные меры. Важно далее подчеркнуть, что вся социальная жизнь, включая ее частную сферу и духовный мир человека, была превращена во всеобщий объект управления и регламентации. Все это привело к тоталитарному менталитету и советской интеллигенции, и всего общества. Старая российская интеллигенция исчерпала себя в революции, а ее миссия как особого культурного класса перешла к воспитанной большевиками новой интеллигенции, которая служила государству. Поэтому она не встала в оппозицию сформировавшемуся в нашей стране тоталитаризму, а в определенном смысле стала ему опорой. В длительный исторический процесс служения российской интеллигенции народу, обществу вмешался советский тоталитаризм, который путем репрессий, экономического, социального, политического воздействия поставил ее на службу большевистскому режиму в течение нескольких десятилетий. Вместе с тем он не смог полностью вытравить в ней общечеловеческие ценности, которые продолжали оказывать влияние на духовную жизнь общества.

В 60–80-е гг., когда советский тоталитаризм перешел в стадию стагнации, среди советской интеллигенции, особенно молодежи, активно проявляется критика и неприятие господствующего режима. Восприняв осуждение культа личности Сталина на XX съезде КПСС и призыв о переходе к "ленинским принципам партийной жизни и принципам партийного руководства" как демократизацию общества, молодое поколение так называемых "шестидесятников" критиковало наиболее одиозные черты сталинского режима. Однако эта критика не выходила за рамки существующего общественного и государственного устройства. В критике шестидесятниками государственного строя негодные и умирающие истины далеко не просто исчезали из сознания и бытия, а их слова и формулировки, базирующиеся на социалистической идеологии, нередко отражали отжившие свой век понятия. После прихода к руководству партией и страной Брежнева взгляды этой части интеллигенции подверглись осуждению. Тем не менее из их рядов выросли лидеры, возглавившие переход страны на демократический путь развития на рубеже 80–90-х гг.

Более радикальным в среде интеллигенции в 60–80-е гг. явилось диссидентское движение. Если первые ограничились попыткой обновить и усовершенствовать существующий строй с позиций "обновленного социализма", то вторые, резко критикуя принципы и методы тоталитарного строя, выступили за переход страны на цивилизованный демократический путь развития. Его представители осуждали однопартийную систему, утопичность социалистической идеологии, массовые репрессии и террор властей, сверхцентрализацию управления, экспансионистскую политику Советского государства. Вместе с тем диссидентское движение (а также шестидесятники) не есть результат восстановления традиций дореволюционной интеллигенции, их поведение определилось характером труда, быта, условиями режима. Правящая номенклатура сурово расправлялась с этой частью интеллигенции. Одни из них были арестованы и сосланы (А.Сахаров, А.Синявский, Ю.Даниэль и др.), вторые расстреляны или погибли в тюрьмах (В.Саблин, В.Марченко), третьи посажены в психушки (генерал П.Григоренко), остальные, подвергаясь политической травле, были высланы из страны и лишены гражданства (А.Тарковский, А.Солженицын, М.Ростропович, Г.Вишневская и др.).

Выступления шестидесятников, диссидентов, развернувшееся рабочее движение, недовольство основных масс населения существующим социально-экономи-

ческим положением в стране в конечном итоге подорвали основы, и на рубеже 90-х гг. привели к крушению советского тоталитаризма. Однако, говоря об отношении интеллигенции к тоталитаризму в 60–80-е гг., необходимо сделать вывод, что в целом, в своем большинстве она поддерживала и защищала советский общественный и государственный строй и прежде всего потому, что сама вышла из этого строя, воспитывалась тоталитарным режимом, служила ему, была его органической составной частью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Гершензон М.А. Творческое самосознание // Вехи. М., 1991.
2. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. С. 177–178.
3. Выделено нами.
4. Ленин В.И. ПСС. Т. VI. С. 86.
5. Там же. С. 127.
6. Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990. С. 87.
7. Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1971. С. 193.
8. Там же. С. 208.
9. Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 43.
10. Тоталитаризм и личность. Пермь. 1990. С. 143.
11. Звенья. Исторический альманах. С. 193.

THE INTELLECTUALS IN THE SYSTEM OF SOVIET TOTALITARISM

The author believes the origin of soviet totalitarianism is in the traditions of relations between the russian state and society as well as in the persistent annihilation of the old prerevolutionary intellectuals by the soviet regime. Concurring with the fact that the stratum of the intellectuals obedient to the soviet regime was created, the author brings proofs that even during the soviet period the intellectuals existed and evolved basing its work on classical heritage of russian culture and human values and so directly or indirectly opposing the ruling regime.

A.V.Bakunin